Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНА въ ученическія, старшаго возраста, библіот. среднихъ учебныхъ зав., мужск. и женск., и въ безплатныя народ. читальни и библіот.

Педагогическое Общество, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

И ЕГО

ДОРЕФОРМЕННЫЕ ТИПЫ.

СОСТАВИЛЪ

Ѳ. НЕЛИДОВЪ.

Цѣна 20 коп.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.

МОСКВА.—1901 г.

28/87

Педагогическое Общество, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

А. Н. Островскій

и его

дореформенные типы.

составилъ
Ѳ. НЕЛИДОВЪ.

MICROFILMED BY THE UNC
LIBRARY PHOTOGRAPHIC SERVICE

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

A.N. OSTROVSKII I EGO
DOREFORMENNYE TIPY

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ
МОСКВА. — 1901.

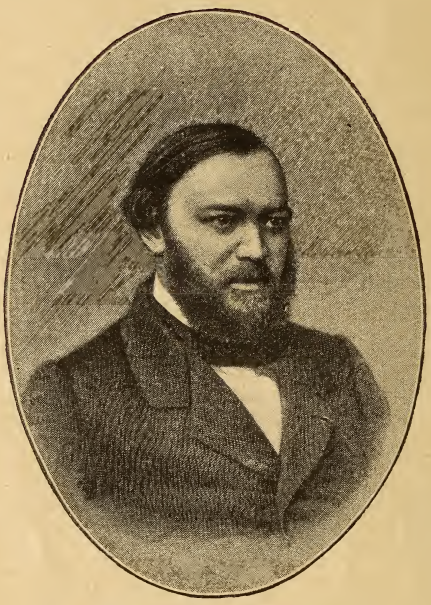
Дозволено цензурою. Москва, 18 апрѣля 1901 г.

Предлагаемая статья Ѳ. Ѳ. Нелидова „**А. Н. Островскій и его дореформенные типы**“ была прочитана 23 анваря 1899 года въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ ряду чтеній, устраиваемыхъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Негативы всѣхъ свѣтовыхъ картинъ, показанныхъ при этомъ чтеніи, хранятся въ мастерской А. Анцыферовой (Москва, Новинской бульваръ, Девятинскій пер., д, Афремова) и могутъ быть воспроизведены по желанію заказчиковъ. Оригиналы картинъ взяты изъ собранія А. Бахрушина.

Къ статьѣ приложены только нѣкоторыя картины изъ коллекціи, сюда относящейся, и номерація картинъ въ статьѣ соотвѣтствуетъ номераціи картинъ въ коллекціи.

А. Н. Островскій.



Карт. № 1. Н. А. Островскій.

А. Н. Островскій и его дореформенные типы.

А. Н. Островскій принадлежитъ къ числу первоклассныхъ русскихъ писателей, и его справедливо называютъ создателемъ русской бытовой комедіи. Но это не значитъ, что до появленія Островскаго русская комедія не пыталась изображать нравы и обычаи различныхъ слоевъ нашего общества.

Стремленіе русскихъ драматурговъ къ самобытности возникло еще въ XVIII вѣкѣ; оно нѣсколько предшествовало Фонъ-Визину и до извѣстной степени подготовило появленіе „Недоросля". Еще В. И. Лукинъ мечталъ о русской комедіи съ чисто русскимъ народнымъ содержаніемъ и о ея воспитательномъ значеніи для общества. Это стремленіе было воспринято талантливыми писателями XIX вѣка, слѣдовавшими за Фонъ-Визинымъ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь. Правдивое изображеніе русской жизни, безъ всякихъ прикрасъ, стало основнымъ требованіемъ и было унаслѣдовано цѣлой группой крупныхъ писателей-реалистовъ, начинавшихъ свою дѣятельность во второй половинѣ 40-хъ годовъ. Островскій принадлежитъ къ выдающимся талантамъ именно этой группы. Въ стремленіи къ самобытности онъ ушелъ дальше своихъ предшественниковъ и сверстниковъ, и въ рисовкѣ бытовыхъ картинъ доходилъ, какъ увидимъ, до сильнаго увлеченія. Такимъ образомъ, его бытописательство было ничѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ завѣта великихъ предшественниковъ и прямымъ продолженіемъ ихъ поэтической работы. Но онъ является писателемъ, особенно крѣпко приросшимъ къ почвѣ, которая его произвела, и плоды его творчества естественно носятъ густую бытовую окраску.

Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Островскій сумѣлъ уловить коренныя общенародныя черты русской жизни. Среда купеческая, почти нетронутая его предшественниками, была взята имъ необыкновенно удачно: по вѣрному замѣчанію его друга, критика Е. Эдельсона, наше купечество по самому роду своихъ занятій находится въ самыхъ близкихъ безпрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми прочими слоями народа, и потому въ немъ какъ бы отлагаются и обнаруживаются всѣ коренныя народныя черты, какъ измѣнившіяся подъ вліяніемъ цивилизаціи, такъ и оставшіяся въ первобытной простотѣ. Такимъ образомъ Островскій сразу попалъ въ самый центръ народной жизни. Главная сила его таланта выразилась въ созданіи яркихъ національныхъ типовъ. Эту сторону его творчества отмѣтилъ тотъ же критикъ, справедливо сказавъ о немъ еще въ 1864 году, что онъ „безпрерывно, неистощимо, цѣлыми десятками заразъ, мечетъ изъ себя цѣльныя, живыя фигуры все новыхъ и новыхъ людей“.

Сила природныхъ дарованій поэта, своеобразныя особенности его таланта становятся вполнѣ ясны и оцѣниваются вѣрнѣе, когда мы знакомимся съ его жизнью, когда развитіе его способностей представляется среди жизненной обстановки, среди условій времени, то поощряющихъ, то затрудняющихъ его поэтическую работу. И такое представленіе является особенно необходимымъ по отношенію къ Островскому, какъ художнику-реалисту, творчество котораго имѣетъ самую тѣсную связь съ окружавшей его жизнью.

Но обширность предмета моего чтенія, недостатокъ времени и скудость въ настоящее время біографическихъ данныхъ объ Островскомъ заставляютъ меня невольно сузить задачу моего очерка. Я укажу вамъ только главные біографическіе факты, объясняющіе характеръ и направленіе его художественной дѣятельности, а потомъ перейду къ пьесамъ дореформеннаго періода, чтобы остановить ваше вниманіе на тѣхъ сторонахъ русской жизни, изображеніе которыхъ ставится ему въ особую заслугу; при этомъ передъ вами пройдутъ нѣкоторые изъ самыхъ яркихъ его типовъ.

ЛЕСНОЙ САЛОНЪ

I.

Дѣдъ и отецъ Островскаго были костромичи, а мать московская уроженка. Всѣ они происходили изъ духовнаго званія. Но отецъ его пошелъ по гражданской службѣ и дослужился до званія потомственнаго дворянина, перешедшаго и къ его дѣтямъ. Самъ А. Н. Островскій—коренной москвичъ. Онъ родился въ 1823 году въ Замоскворѣчьѣ.

Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, въ „Запискахъ замоскворѣцкаго жителя", онъ называетъ свою родину „волшебной страной", населенной „сказочными героями". И дѣйствительно, въ томъ Замоскворѣчьѣ, которое засталъ Островскій лѣтъ 70 назадъ, много было волшебнаго, сказочнаго: въ немъ бережно еще хранились во всей неприкосновенности завѣты и преданія самой глубокой русской старины. Вспомните отвѣтъ Досужева, частнаго ходатая по дѣламъ („Тяжелые дни"), на вопросъ, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ занимается: „Я живу,— говоритъ онъ, — въ той сторонѣ, гдѣ дни раздѣляются на легкіе и тяжелые; гдѣ люди твердо увѣрены, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, и что, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, одна начинаетъ шевелиться: значитъ плохо дѣло; гдѣ заболѣваютъ отъ дурного глаза, а лѣчатся симпатіями; гдѣ есть свои астрономы, которые наблюдаютъ за кометами и разсматриваютъ двухъ человѣкъ на лунѣ; гдѣ своя политика, и тоже получаются депеши, но только все больше изъ Бѣлой Арапіи и странъ, къ ней прилежащихъ"... „Выгоды отъ моего занятія,— прибавляетъ онъ,— очень большія; а главное: что ни дѣло, то комедія".

Жизнь по старинѣ, полная всякихъ суевѣрій, окружала Островскаго съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ. Мать его

была дочерью московской просвирни и училась, вѣроятно, на мѣдныя деньги; отецъ, какъ водится, озабоченъ добываніемъ средствъ, постоянно занятъ службой: вполнѣ понятно, что, при такихъ условіяхъ, воспитаніе ребенка „было предоставлено случаю“,—какъ говоритъ біографъ Островскаго. Умъ даровитаго мальчика могъ бы насквозь пропитаться старинными предразсудками, суевѣріемъ, и погибнуть. Но, къ счастію, отецъ Островскаго былъ человѣкъ образованный, учившійся въ духовной академіи, и, очевидно, понималъ, что сыну необходимо дать образованіе. На тринадцатомъ году отъ рожденія онъ сталъ посылать мальчика въ 1-ю Московскую Гимназію. Есть извѣстіе, что Островскій не проявилъ своихъ блестящихъ способностей въ гимназіи и учился неважно. Но судя по тому, что мы теперь знаемъ о тогдашней педагогіи, можно съ полной увѣренностью сказать, что сухая и суровая школьная наука того времени не могла привлечь и заинтересовать живого и богато одареннаго мальчика. Говорятъ, что, будучи еще гимназистомъ, Островскій пристрастился къ театру: московская сцена уже въ то время славилась знаменитыми артистами. Какъ бы то ни было, Островскій кончилъ гимназическій курсъ и поступилъ въ московскій университетъ; но здѣсь, къ сожалѣнію, пробылъ недолго: по какимъ-то непріятностямъ онъ долженъ былъ выйти изъ университета на второй годъ. Островскому не пришлось поучиться подъ руководствомъ талантливыхъ профессоровъ того времени; не успѣлъ онъ обзавестись и кружкомъ образованныхъ товарищей, испытать благотворную силу ихъ вліянія и пожить тою идейною, развивающею жизнью, какою жила въ то время лучшая часть русской университетской молодежи. Немало горькихъ минутъ пережилъ Островскій впослѣдствіи, сознавая большіе пробѣлы въ своемъ образованіи, и многому доучивался самъ.

Но за исключеніемъ этой одной неудачи, всѣ прочія обстоятельства жизни его складывались очень счастливо для развитія его художественнаго таланта. Съ дѣтскихъ лѣтъ въ старомъ Замоскворѣчьѣ онъ постепенно на-

комился съ жизнью нашего купечества и мѣщанства. Тотчасъ по выходѣ изъ университета, онъ поступаетъ концелярскимъ служителемъ сначала въ Совѣстный судъ, а потомъ, черезъ два года, въ Коммерческій. Совѣстный судъ, давно уже упраздненный, вѣдалъ въ то время между прочими дѣлами и дѣла, возникавшія между родителями и дѣтьми, а Коммерческій, существующій и до сихъ поръ, какъ извѣстно, разбираетъ дѣла торговаго сословія. Все это для будущаго драматурга было очень благопріятно: здѣсь предъ нимъ раскрывались очень многія темныя стороны нашего семейнаго и общественнаго быта. Отецъ его къ тому же оставилъ казенную службу и сталъ заниматься ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ; къ нему обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ большею частью купцы и мѣщане, крупные и мелкіе торговцы, а молодой Островскій внимательно приглядывался къ этому люду и прислушивался къ ихъ разговорамъ.

Въ это время онъ началъ уже набрасывать на бумагу отдѣльныя сцены, изъ которыхъ потомъ составилась большая комедія изъ жизни купечества, носившая первоначально названіе „Банкротъ“, а потомъ переименованная въ „Свои люди — сочтемся“.

Жили Островскіе теперь уже не за Москвой рѣкой, но въ мѣстности, не менѣе глухой и захолустной. Отецъ Островскаго купилъ собственный домикъ у Николы въ Воробьинѣ, близъ Хитрова рынка. Мѣсто это представляло 60 лѣтъ тому назадъ почти незастроенный пустырь, какихъ немало встрѣчалось въ старой Москвѣ. Противъ ихъ дома стояла полицейская будка, а около нея вѣчно дремлющій престарѣлый будочникъ съ большой ни на что ненужной аллебардой въ рукахъ; въ недалекомъ разстояніи отъ дома находились всѣмъ извѣстныя въ то время „Серебряныя бани“, и изъ оконъ квартиры Островскаго всякій могъ свободно видѣть, какъ въ зимнее время, запарившись до одури, живыя человѣческія тѣла, отъ которыхъ столбомъ валилъ паръ, выбѣгали изъ бани на улицу поваляться въ мягкихъ снѣжныхъ

сугробахъ. Все было, какъ видите, по-просту въ старой, дореформенной Москвѣ: и городскіе нравы, и вполнѣ соотвѣтствовавшая имъ городская обстановка. Объ удобствахъ обывателей въ то время не особенно заботились: снѣгъ зимою съ улицъ и дворовъ не свозился, и обыватель, вставши рано утромъ, не всегда могъ скоро отворить свою калитку—надо было долгое время отгребаться; а ѣздилъ онъ въ снѣжныя зимы по улицамъ города на уровнѣ вторыхъ этажей домовъ и безпрестанно свергался, точно въ пропасти, въ глубокіе ухабы. Эту старую Москву, отъ которой теперь сохранились одни воспоминанія, Островскій засталъ еще во всемъ блескѣ ея своеобразной красоты.

14 февраля 1847 года Александръ Николаевичъ читалъ свое первое драматическое произведеніе: „Картину семейнаго счастья". Чтеніе происходило въ квартирѣ профессора Московскаго университета, Шевырева, въ присутствіи многихъ писателей и профессоровъ. Слушатели пришли въ восторгъ и признали въ авторѣ человѣка, одареннаго громаднымъ талантомъ. „Съ этого дня,—говоритъ самъ Островскій,— я сталъ считать себя русскимъ писателемъ и уже безъ сомнѣній и колебаній повѣрилъ въ свое призваніе". Но еще большій успѣхъ имѣло чтеніе второй пьесы, комедіи „Банкротъ". На чтеніи, происходившемъ у профессора Погодина въ присутствіи большого общества, былъ и самъ Гоголь. Разсказываютъ, что онъ нѣсколько запоздалъ, тихо вошелъ во время чтенія и остановился у притолки, да такъ и простоялъ до самаго конца. Извѣстный въ то время писатель, широко образованный человѣкъ и симпатичный общественный дѣятель, кн. В. Ѳ. Одоевскій, прочитавъ комедію уже въ печати, писалъ своему пріятелю: „Читалъ ли ты комедію или лучше трагедію Островскаго — „Свои люди — сочтемся", и которой настоящее названіе „Банкротъ?.." Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: „Недоросль", „Горе отъ ума", „Реви-

зоръ". На Банкротѣ я ставлю нумеръ четвертый". Такимъ образомъ Островскій сразу былъ поставленъ на высоту первокласснаго драматурга, на ряду съ Фонъ-Визинымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ. Тургеневъ справедливо замѣтилъ, что Островскій началъ необыкновенно. Дѣйствительно, ни одинъ изъ русскихъ писателей не имѣлъ такого блестящаго начала. Съ самыхъ первыхъ шаговъ онъ становится знаменитостью и въ литературныхъ кружкахъ, и въ публикѣ.

Но жизненный путь писателя усѣянъ не одними лаврами. Знаменитая комедія, такъ всѣмъ понравившаяся и уже напечатанная, составляющая и до сихъ поръ украшеніе русскаго театра, не была допущена къ представленію на сценѣ по жалобѣ московскаго купечества, которое нашло, что Островскій опозорилъ въ ней цѣлое сословіе и оскорбилъ ею отечество. Островскому пришлось пережить первое и далеко не послѣднее огорченіе въ жизни. Только черезъ десять лѣтъ, уже въ другія, болѣе легкія для литературы времена, онъ увидалъ свою первую комедію на сценѣ.

Первые литературные успѣхи Островскаго собираютъ вокругъ него литературный кружокъ, въ который входитъ немало крупныхъ дарованій, какъ романистъ Писемскій, драматургъ Потѣхинъ, поэтъ Мей, беллетристъ-этнографъ С. Максимовъ, авторъ извѣстныхъ романовъ „Въ лѣсахъ" и „На горахъ", Мельниковъ-Печерскій и др. Но интимную часть кружка составляли Т. Филипповъ, А. Григорьевъ, Е. Эдельсонъ и Б. Алмазовъ, которые были ближайшими совѣтчиками Островскаго и цѣнителями его произведеній.

Даровитый критикъ того времени, А. Григорьевъ, опредѣляетъ значеніе личности Островскаго для себя и для кружка такими словами: „Явился Островскій и около него, какъ центра,—кружокъ, въ которомъ нашлись всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія". Смыслъ этого нѣсколько восторженнаго отзыва станетъ вамъ сейчасъ ясенъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ А. Григорьевъ проводилъ новый для того времени взглядъ на писателя. Онъ справедливо

утверждалъ, что „писатель есть не только продуктъ своего народа и времени, но даже той мѣстности, въ которой родился“, и требовалъ отъ каждаго беллетристическаго произведенія самобытности, бытовой окраски. Островскій удовлетворялъ этимъ требованіямъ вполнѣ: онъ обставлялъ изображаемую въ своихъ пьесахъ среду самыми мелкими бытовыми подробностями, и критикъ видѣлъ въ его твореніяхъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мыслей.

Но Островскій привлекалъ людей не одною силою поэтическаго таланта. „Островскій,—говоритъ С. Максимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — былъ, по истинѣ, нравственно сильнымъ человѣкомъ; и сила соединялась въ немъ со скромностью, нѣжностью, привлекательностью. Никогда ни одинъ мыслящій человѣкъ не сближался съ Островскимъ, не почувствовавъ всей силы этого передоваго человѣка; онъ дѣйствовалъ, вдохновлялъ, оживлялъ, поощрялъ тѣхъ, кто подлежалъ его вліянію и избранію“.

Пятидесятые годы XIX вѣка и въ особенности вторая ихъ половина отличаются усиленіемъ интереса въ нашемъ образованномъ обществѣ къ изученію народной жизни: явились ученые серіезные изслѣдованія народной жизни—народныхъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, обрядовъ; пробудилась особенная любовь къ народной поэзіи; нашлись новые охотники собирать народныя пѣсни, сказки, пословицы; другъ Островскаго С. Максимовъ отправился пѣшкомъ по губерніямъ: Владимірской, Вятской, Нижегородской изучать бытъ народа прямо на мѣстѣ, и результатомъ этого путешествія явился длинный рядъ очерковъ изъ мѣстной народной жизни съ весьма яркой бытовой окраской. Въ 1856 году организованъ цѣлый рядъ литературно-этнографическихъ экспедицій по мысли Великаго Князя Константина Николаевича, искренняго сторонника преобразовательнаго движенія, обнаружившагося въ эти годы. Замѣчательно, что для этой цѣли были призваны писатели, знатоки народнаго быта, кровно заинтересованные въ этихъ вопросахъ, искренно и любовно относившіеся къ народу. Островскій самъ заявилъ желаніе

принять участіе въ одной изъ экспедицій, и ему достались верховья Волги вплоть до Нижняго.

Духъ времени сказался, какъ видите, и на самомъ Островскомъ и на его друзьяхъ. Народный бытъ съ его поэтическою обрядностью и въ особенности народная пѣсня пользовались сильною любовью кружка. Одинъ изъ его членовъ такъ мастерски и задушевно пѣлъ простыя народныя пѣсни, что слушатели иногда плакали. Самъ Островскій, говорятъ, имѣлъ недурной голосъ и былъ большимъ любителемъ пѣнія. Въ кружкѣ собирали пѣвцовъ изъ простого народа и устраивали состязанія; особенно искусныхъ разыскивали по всей Москвѣ.

Эта любовь къ поэзіи и жизни народа отразилась и на сочиненіяхъ Островскаго. Многія изъ нихъ переполнены и отдѣльными словами и цѣлыми стихами изъ народныхъ пѣсенъ. Прочтите въ „Воеводѣ" обращеніе къ кормилицѣ Волгѣ, которая катится „до синя моря, крутымъ ярамъ да краснымъ бережечкамъ на утѣшенье", а молодцамъ — „на погулянье"! Прочтите тамъ же монологъ домового, рѣчь одной изъ сѣнныхъ дѣвушекъ. Припомните, какъ подробно, съ какою любовью изображаетъ онъ святочный вечеръ и сговоръ въ комедіи „Бѣдность не порокъ", съ играми, ряжеными, пѣснями, обрядами. Тутъ и старикъ съ балалайкой, и мальчикъ съ патокой, и вожакъ съ медвѣдемъ и козой. Сколько въ этихъ сценахъ народныхъ пѣсенъ, народныхъ шутокъ, прибаутокъ, поговорокъ. Припомните залихватскія рѣчи дѣда Мороза, проводы „честной масляницы" въ „Снѣгурочкѣ", которая вся цѣликомъ проникнута истинно національнымъ духомъ русской народной поэзіи. Такихъ мѣстъ у Островскаго такъ много, что ихъ всѣхъ не укажешь и не пересчитаешь. Вотъ какимъ художественнымъ богатствомъ наградила его излюбленная имъ народная пѣсня, народное повѣрье, народный обрядъ!

Дружескій кружокъ Островскаго жилъ весело. Друзья частенько собирались въ скромной квартиркѣ писателя, у

Николы въ Воробьинѣ. Въ это время онъ жилъ небогато, часто терпѣлъ даже нужду, но у него всегда находилось незатѣйливое угощеніе для дорогихъ гостей. Въ эти маленькія комнатки привлекало людей душевное расположеніе къ живому, умному, скромному и радушному хозяину. Частенько они всей компаніей захаживали въ извѣстный тогда московскій трактиръ Гурина. Кружокъ между тѣмъ все болѣе и болѣе расширялся; члены его не брезговали знакомствомъ съ простыми людьми. Островскій особенно любилъ бесѣдовать съ ними и съ нѣкоторыми сходился довольно близко. Для примѣра укажу на одного изъ нихъ, самаго цѣннаго для нашего писателя, Ивана Ивановича Шанина. Это былъ простой, необразованный человѣкъ, рядскій сидѣлецъ съ Ильинки, но молодой, веселый, остроумный собесѣдникъ. Рѣчь его обыкновенно отличалась характерными выраженіями, чисто народною бойкостью и мѣткостью. Онъ забавно разсказываетъ Островскому о разныхъ плутняхъ сидѣльцевъ, — о томъ, какъ они обманываютъ покупателей, особенно иногороднихъ, ловко сбывая имъ всякое гнилье; разсказываетъ о томъ, какъ тяжело живется въ купеческой семьѣ подъ властью домовладыки-самодура. Изъ его разсказовъ Островскій получаетъ драгоцѣнный матеріалъ для своихъ драмъ. Друзья свидѣтельствуютъ передъ нами, что всѣ удачныя словечки, то и дѣло вылетавшія изъ устъ Шанина, заняли видное мѣсто въ произведеніяхъ Островскаго, а типъ несчастнаго „купеческаго брата“, Любима Торцова, въ комедіи „Бѣдность не порокъ“, весь созданъ изъ отдѣльныхъ разсказовъ Шанина. Воспоминанія С. В. Максимова даютъ много живыхъ картинъ и сценъ изъ жизни молодого кружка. Кого только не было въ этой пестрой, веселой, шумной толпѣ молодежи? Писатели, студенты, актеры, разсказчики, музыканты, торговцы, ремесленники и даже люди совершенно неопредѣленныхъ профессій и званій: знаменитый московскій актеръ, Провъ Михайловичъ Садовскій, и рядомъ съ нимъ какой-то неизвѣстный артистъ, который искусно подражалъ крикамъ разныхъ животныхъ и умѣлъ въ лицахъ представлять

молящуюся старуху и мѣшающую ей собаку; европейская извѣстность, музыкантъ Николай Рубинштейнъ, и на-ряду съ нимъ какой-то гитаристъ „Николка-Рыжій“ и „Алексѣй съ торбаномъ“; послѣдній, по словамъ друзей, водку запивалъ квасомъ, а венгерку на своемъ торбанѣ игралъ такъ, что забыть нельзя.

Въ 1850 году Островскій и его друзья дѣлаются сотрудниками журнала „Москвитянинъ“, издававшагося проф. Погодинымъ въ Москвѣ. Дѣла журнала ранѣе были плохи; но приливъ свѣжихъ, молодыхъ силъ сразу поднялъ журналъ: число подписчиковъ болѣе чѣмъ удвоилось, и Островскій былъ главнымъ виновникомъ успѣха. Здѣсь, начиная съ комедіи „Свои люди—сочтемся“, печатаются всѣ его пьесы до 1856 года, когда „Москвитянинъ“ прекратилъ свое существованіе. Особенно шумнымъ успѣхомъ пользовались комедіи: „Не въ свои сани не садись“ и „Бѣдность не порокъ“.

Журналъ Погодина былъ выразителемъ такъ называемаго „русскаго направленія“ и, надо сказать правду, не отличался безпристрастіемъ. Все самобытное русское восхвалялось въ немъ чрезмѣрно, все западное — порицалось; идеализировалась русская народная жизнь, какъ современная, такъ и старая допетровская; дѣлались упреки Петру Великому за иноземныя нововведенія, которыя будто бы подавили и прервали естественный ходъ самобытнаго народнаго развитія; и много вообще говорилось о преимуществахъ русскаго народа передъ другими европейскими. При этомъ забывали тогдашніе патріоты о невысокомъ культурномъ состояніи русскаго народа и причинахъ его, и упускали изъ вида простое соображеніе, что всякое національное превосходство есть результатъ болѣе или менѣе высокой культуры, которая достигается упорной, продолжительной и при томъ общей культурной работой всѣхъ классовъ народа.

Направленіе „Москвитянина“ въ тогдашней литературѣ часто называли славянофильскимъ, но это невѣрно: журналъ

Погодина сходился съ славянофилами только въ нѣкоторыхъ взглядахъ на русскую старину и народность и не раздѣлялъ многихъ другихъ воззрѣній этой партіи.

Нѣкоторые изъ близкихъ друзей Островскаго вполнѣ раздѣляли крайности этого направленія и старались, конечно, вліять на молодого друга въ томъ же духѣ. Островскій вошелъ въ кружокъ, когда ему было всего двадцать четыре года. До знакомства съ кружкомъ онъ держался совершенно противоположныхъ взглядовъ, называвшихся тогда западническими. Еще въ университетѣ Островскій, какъ почти вся тогдашняя университетская молодежь, находился подъ сильнымъ вліяніемъ статей Бѣлинскаго. Естественно, что, при первой встрѣчѣ съ людьми иного направленія, дѣло не обходилось безъ споровъ, и споровъ горячихъ. Но С. Максимовъ справедливо свидѣтельствуетъ, что литературная слава застала Островскаго человѣкомъ „неустоявшимся". Если вы припомните къ этому его университетскую неудачу, вамъ будетъ совершенно понятно, почему Островскій не устоялъ въ этомъ спорѣ и былъ побѣжденъ; но побѣжденъ не столько тѣми или другими логическими доводами, сколько впечатлѣніями отъ самобытной русской жизни, которая, какъ вы видѣли, обступала его со всѣхъ сторонъ. Вѣдь высшее образованіе тѣмъ то и важно, что оно не только даетъ знанія, но и расширяетъ умственный горизонтъ человѣка, помогаетъ ему выработать систематическій образъ мыслей, прочныя убѣжденія, которыми истинно образованный человѣкъ и руководится въ жизни.

Окружавшіе Островскаго люди и обстановка старой Москвы сильно дѣйствовали на молодое воображеніе и чувство и склоняли его все болѣе и болѣе къ русскому направленію. Съ какою задушевностью относились къ нему сгруппировавшіеся вокругъ него русскіе таланты, простыя, но даровитыя натуры, какъ Шанинъ; какъ сильно дѣйствовала на нервы художника мастерски и съ душою спѣтая народная пѣсня, живой разсказъ, пересыпанный народными остротами, заставлявшими смѣяться до слезъ, — все это

оставляло неизгладимые слѣды въ чуткой душѣ Островскаго, подготовленной къ тому же и впечатлѣніями дѣтства. Постоянныя настойчивыя внушенія самыхъ близкихъ друзей, по всей вѣроятности, только довершали дѣло.

Указанныя выше лица, составлявшія самое ядро кружка, высоко цѣнили талантъ Островскаго, но находили, что онъ односторонне изображаетъ жизнь русскаго народа, выставляя только темныя ея стороны, что изображеніе однихъ пороковъ недостойно великаго поэта, что такое отношеніе къ русской жизни слишкомъ жестоко и даже несправедливо, такъ какъ русская жизнь будто бы представляетъ свѣтлыхъ, привлекательныхъ сторонъ гораздо болѣе, чѣмъ жизнь какого-либо другого европейскаго народа. Всѣ эти увлеченія кружка не могли пройти безслѣдно для молодого драматурга и потому, что совпадали съ настроеніемъ тогдашняго общественнаго большинства.

И вотъ въ своихъ новыхъ пьесахъ Островскій начинаетъ обнаруживать стремленіе — показать свѣтлыя стороны русской народной жизни. Критика конца 50-хъ годовъ уже вѣрно отмѣтила тендеціозность комедій: „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“ и драмы „Не такъ живи, какъ хочется“, сказавъ, что авторъ въ этихъ пьесахъ ради благополучныхъ развязокъ придалъ нѣкоторымъ случайностямъ больше значенія, чѣмъ они имѣютъ въ дѣйствительности и „эта невѣрность взгляда повредила цѣльности и яркости самыхъ произведеній“. Въ настоящее время мы имѣемъ и собственныя признанія автора, подтверждающія вѣрность указаній критики. Въ письмѣ къ Погодину въ 1853 году Островскій самъ говоритъ, что его направленіе начинаетъ измѣняться, что прежній свой взглядъ на жизнь онъ находитъ молодымъ и слишкомъ жесткимъ, что съ этой новой точки зрѣнія гораздо лучше заставить русскаго человѣка радоваться, при видѣ себя на сценѣ, чѣмъ тосковать, и что для этой цѣли онъ въ новыхъ пьесахъ (именно въ указанныхъ выше) соединяетъ высокое съ комическимъ.

Невольно удивляешься, когда вспомнишь, что все это происходило значительно позже появленія въ нашей литературѣ „Мертвыхъ душъ“, „Ревизора“, послѣ оцѣнокъ этихъ произведеній, сдѣланныхъ Бѣлинскимъ, послѣ глубоко вѣрныхъ разъясненій серьезнаго общественнаго значенія сатиры и указаній на свѣтлое примиряющее дѣйствіе смѣха, сдѣланныхъ самимъ Гоголемъ!

Увлеченіе русскимъ направленіемъ у Островскаго было, однако, непродолжительно. Здравый смыслъ и сильное чувство дѣйствительности помогли ему отдѣлаться отъ указанныхъ крайностей довольно скоро: ни въ одной изъ пьесъ, написанныхъ послѣ 1856 г., уже не обнаруживается стремленія идеализировать тогдашнюю русскую дѣйствительность. Вступленіе писателя въ болѣе зрѣлый возрастъ обозначилось болѣе спокойнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ изображаемымъ явленіямъ. Появляется бытовая драма „Гроза“, которой справедливо гордится русская литература и въ которой старинные идеалы народные являются уже въ иномъ и при томъ правильномъ освѣщеніи. Много содѣйствовали перемѣнѣ взглядовъ Островскаго и новыя вѣянія, при наступленіи новой эпохи, и то обстоятельство, что „Москвитянинъ“ прекратилъ свое существованіе, дружескій кружокъ распался и члены его разбрелись по разнымъ изданіямъ. Самое направленіе „Москвитянина“ теперь теряло смыслъ, потому что стояло въ противорѣчіи съ новыми требованіями коренныхъ реформъ, необходимость которыхъ признавалась и высочайшею властью. Эти годы были первыми годами царствованія Царя-Освободителя, Александра II. Русскіе люди особенно радостно были настроены: они ждали новаго суда, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и другихъ важныхъ перемѣнъ въ русской жизни. Это было лучшее время и въ дѣятельности Островскаго. Да оно и понятно! Вѣдь и каждый изъ насъ работаетъ охотнѣе, живѣе, лучше, когда его охватываетъ радостная надежда на перемѣну къ лучшей, болѣе счастливой для всѣхъ жизни.

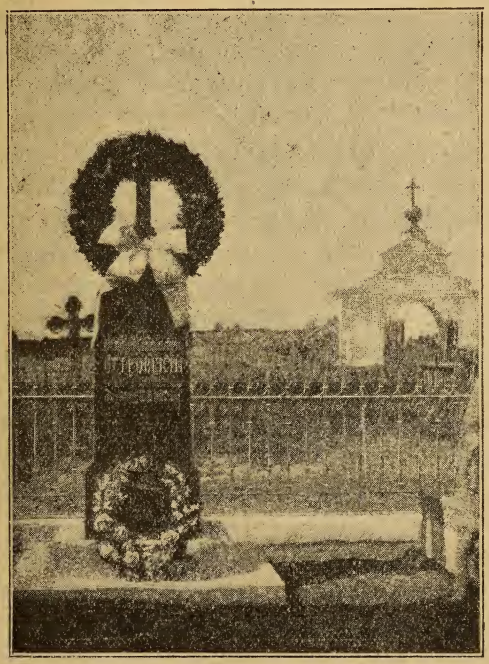
Въ это время, какъ я уже говорилъ вамъ, Островскій отправился въ путешествіе по Волгѣ. Эта поѣздка была чрезвычайно благопріятна для его творчества, давъ новый обильный матеріалъ. Друзья свидѣтельствуютъ, что Волгой вдохновленъ „Сонъ на Волгѣ“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Гроза“ и комедія „На бойкомъ мѣстѣ“.

Въ 60-хъ годахъ Островскій рѣшаетъ не писать болѣе современныхъ пьесъ, а отдать свои силы исключительно исторической хроникѣ и работать не для театра, а для журналовъ. Кажется, что рѣшеніе это обусловлено главнымъ образомъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нему лицъ, завѣдовавшихъ казенными тетрами, и постоянной нуждой. Казенные театры платили мало; провинціальные антрепренеры совсѣмъ уклонялись отъ платы. Книгопродавцы—издатели его сочиненій, по его словамъ, „драли овчинку съ изданія, не жалѣя мяса“. И вотъ первоклассный русскій драматургъ, сочиненіями котораго всѣ театры, можно сказать, жили, читатели зачитывались, не зналъ, чѣмъ жить съ своей семьей, на что воспитывать своихъ дѣтей. А между тѣмъ высчитано, что пьесы Островскаго съ 1853 года по 1872 только за 19 лѣтъ, дали однимъ казеннымъ театрамъ около 2.000.000 рублей дохода. Въ большинствѣ извѣстныхъ намъ въ настоящее время писемъ Островскій жалуется на постоянную нужду, и положеніе его стало нѣсколько лучше только за три года до смерти, когда ему была Высочайше пожалована пенсія въ 3000 рублей.

Но не одна нужда подтачивала умственныя силы и здоровье Островскаго, были и другія тяжелыя условія въ его трудовой жизни: несправедливые отзывы въ журналахъ о его сочиненіяхъ, цензурныя стѣсненія, столкновенія по сценѣ, въ театрально-литературномъ комитетѣ. Нужно было сильно и глубоко любить свое искусство, свой родной народъ, родную рѣчь, чтобы въ теченіе сорока лѣтъ работать, не покладая рукъ, при такихъ условіяхъ. Островскій былъ примѣрный работникъ!

Характеристика его личности была бы неполна, если бъ я не указалъ вамъ на его общественную дѣятельность. Не одинъ поэтическій трудъ онъ считалъ своею нравственною обязанностью. Занявши первое мѣсто среди современныхъ ему русскихъ драматурговъ, онъ понялъ, что долженъ заботиться о поднятіи драматическаго искусства, о приготовленіи хорошихъ актеровъ, о развитіи художественнаго вкуса и правильнаго пониманія въ публикѣ. Для этой цѣли онъ начинаетъ энергично хлопотать и быстро устраиваетъ въ Москвѣ артистическій кружокъ и при немъ театръ, который, по его мысли, долженъ былъ служить школой для молодыхъ неопытныхъ актеровъ-любителей. Самъ натерпѣвшись нужды, онъ задумываетъ объ основаніи такого учрежденія, при помощи котораго можно было бы обезпечить трудъ драматическаго писателя, — и возникаетъ общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, которое и сейчасъ съ успѣхомъ отстаиваетъ авторскія права и тѣхъ, и другихъ. Онъ былъ также однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ-основателей общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, устраивалъ въ пользу его публичныя чтенія, самъ принималъ въ нихъ участіе, какъ талантливый чтецъ, и приглашалъ другихъ извѣстныхъ писателей. Тотчасъ послѣ отмѣны монополіи казенныхъ театровъ, Островскій выступаетъ съ проэктомъ образцоваго народнаго театра въ Москвѣ. Онъ хотѣлъ дать и простому народу здоровое, развивающее умъ развлеченіе. Но этого добраго и важнаго дѣла онъ сдѣлать уже не успѣлъ: ему помѣшали и болѣзнь, которая сильно мучила его въ послѣдніе годы, и назначеніе на новую, очень лестную для него должность завѣдующаго всей художественной частью московскихъ казенныхъ театровъ и начальника театральнаго училища. Несмотря на усилившуюся къ этому времени болѣзнь, Островскій началъ энергично работать на новомъ мѣстѣ и кое-что успѣлъ сдѣлать и тутъ. Но дни его были уже сочтены.

1886 года 28 мая онъ пріѣхалъ на лѣтній отдыхъ въ свое костромское имѣніе, сельцо Щелыково, Кинешемскаго уѣзда. Здѣсь онъ обыкновенно чувствовалъ себя прекрасно: деревенскій воздухъ, прогулки, собираніе ягодъ и грибовъ, рыбная ловля, которую онъ страстно любилъ, всегда значительно поправляли его здоровье. Но на этотъ



Карт. № 5. Могила А. Н. Островскаго.

разъ онъ пріѣхалъ только для того, чтобы прожить нѣсколько мучительныхъ дней. 2 іюня, утромъ, онъ скончался. Отпѣваніе и погребеніе происходило въ с. Бережкахъ, въ двухъ верстахъ отъ Щелыкова.

Черезъ три года послѣ смерти Островскаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, повсемѣстно въ Россіи открыта подписка на памятникъ ему въ Москвѣ.

II.

Какія же стороны русской жизни изображалъ Островскій въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ? Прежде всего и главнымъ образомъ вниманіе художника останавливалось на семейной жизни, какъ показываетъ его первое произведеніе „Семейная картина“, да и многія послѣдующія: общественныя отношенія въ нихъ затронуты попутно и вскользь, что объясняется и особымъ складомъ русской жизни.

Въ дореформенной русской семьѣ, которую ему приходилось наблюдать съ дѣтства, его, очевидно, поражало отсутствіе тѣхъ нравственныхъ началъ, безъ которыхъ немыслимъ этотъ маленькій союзъ близкихъ по родству людей. Въ головѣ художника, несомнѣнно, сложился очень опредѣленный идеалъ семьи, члены которой, тѣсно сплоченные любовью и уваженіемъ другъ къ другу, понимаютъ не только семейныя, но и общественныя обязанности и ведутъ разумную трудовую жизнь, направленную къ общему благу, т.-е. къ добру для всѣхъ. Вотъ этотъ-то идеалъ, такъ мало соотвѣтствовавшій дѣйствительности, и вызвалъ его на отрицательное изображеніе различныхъ сторонъ семейной и отчасти общественной русской жизни.

Просвѣщеніе, какъ извѣстно, очень медленно проникало даже въ высшіе классы русскаго общества; что же касается людей среднихъ классовъ, они не испытывали на себѣ его благотворнаго вліянія очень долгое время, и русская дореформенная семья держалась на очень старыхъ, обветшавшихъ основаніяхъ. Власть въ семьѣ, и притомъ безграничная, принадлежала старшему ея члену, который въ своихъ поступкахъ руководился обыкновенно или собственной фантазіей или правилами временъ Домостроя, а не разумными логическими доводами. Власть эта, ложившаяся тяжелымъ

гнетомъ на младшихъ членовъ семьи, создавала дисциплину, основанную исключительно на принципѣ страха. А страхъ, какъ извѣстно, плохой помощникъ въ дѣлѣ воспитанія: умъ, чувство, воля сковываются имъ, задерживаются въ своемъ естественномъ развитіи и часто получаютъ дурное направленіе. „Гдѣ много страху,—справедливо говоритъ Островскій,—тамъ и грѣха много“.

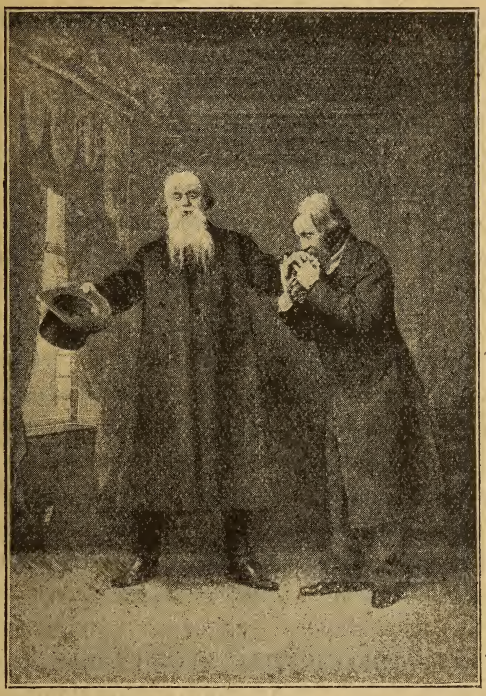
И дѣйствительно, типичная дореформенная семья, изображенная правдиво, съ полнымъ безпристрастіемъ, въ лучшихъ его пьесахъ, имѣла много недостатковъ. Отношенія между старшими и младшими ея членами отличались враждебностью и дѣйствовали растлевающимъ образомъ какъ на угнетателей, такъ и на угнетаемыхъ: изъ первыхъ формировались самодуры, а изъ вторыхъ — лицемѣры и обманщики, готовые обратиться въ самодуровъ, или безвольные люди, не способные самостоятельно мыслить и дѣйствовать, или совсѣмъ забитые, дошедшіе до полнаго отупѣнія.

Изъ тѣснаго семейнаго круга ненормальныя отношенія естественно переходили и въ сферы общественныя. И потому самодурство со всѣми его послѣдствіями является характерной чертой всей русской дореформенной жизни. „Ты живи для семьи, — поучаетъ старый самодуръ своего неопытнаго молодого зятя въ пьесѣ „Пучина“, — вотъ здѣсь ты будь хорошъ и честенъ, а съ другими прочими воюй, какъ на войнѣ. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности ты душой покоенъ...“ Какъ видите, понятіе объ обществѣ, объ общественныхъ обязанностяхъ совсѣмъ отсутствовало въ тогдашней русской семьѣ; другими словами, отсутствовало именно то высшее начало, которое одно только и могло нравственно возвысить семью, измѣнивши ея узкій эгоистическій характеръ.

Теперь откроемъ сочиненія Островскаго и заглянемъ въ комедію „Свои люди—сочтемся“. Передъ нами богатая купеческая семья. Глава ея—купецъ С. С. Большовъ; онъ держитъ въ рукахъ своихъ домочадцевъ; каждый пріѣздъ его изъ

города вызываетъ опасенія, не хмеленъ ли онъ, и страхъ при этомъ обнимаетъ всѣхъ, живущихъ въ его домѣ. Жена его, Аграфена Кондратьевна — женщина неглупая отъ природы, но окончательно забитая, не имѣющая никакого значенія въ своемъ домѣ. Дочь ихъ, Липочка, не уважаетъ и не боится ея. Впрочемъ, Липочка никого не уважаетъ. Она вообще производитъ отталкивающее впечатлѣніе своею нравственною грубостью, безсердечіемъ, умственною ограниченностью и мелочностью. Но по внѣшнему виду она образованная барышня. „Выросла, — говоритъ она, — да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе“. Чтобы получить настоящее понятіе о ея образованности, къ „свѣтскому тону“, которымъ она гордится, какъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, надо прибавить и то, что справедливо замѣчаетъ о ней сваха: „Пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ, по-французскому, али на фортопьянахъ — тоже сямъ, тямъ, да и нѣтъ ничего“. Мечты ея—выйти замужъ за благороднаго, преимущественно за военнаго. Приказчикъ Большова, Подхалюзинъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ лицемѣрныхъ типовъ у Островскаго. Онъ принадлежитъ къ тому роду людей, которые при помощи лести и обмана выдираются наверхъ и изъ угнетаемыхъ переходятъ въ угнетателей. Большовъ задумываетъ безчестное дѣло, злостное банкротство, и съ помощью Подхалюзина и стряпчаго Ризположенскаго приводитъ его въ исполненіе, и все-таки не вызываетъ въ насъ злого чувства, а напротивъ, чувство сожалѣнія, какъ человѣкъ, котораго испортили дурныя условія жизни. Совсѣмъ иначе мы смотримъ на Подхалюзина. Это тонкій, умный отъ природы плутъ. Онъ съ дѣтства жилъ у Большова, хорошо изучилъ самодурный характеръ своего хозяина и сумѣлъ воспользоваться его слабыми сторонами. Чтобы повернуть всю затѣю Большова въ свою пользу, онъ подкупилъ сваху и стряпчаго, а льстивыми рѣчами, притворствомъ, такъ обошелъ Большова, что тотъ отдалъ ему и дочь, и все свое состояніе. Я приведу вамъ часть монолога Подхалю-

зина, изъ котораго вы увидите, на чемъ главнымъ образомъ онъ основывалъ успѣхъ своего замысла, когда еще только обдумывалъ планъ дѣйствій. Задумавши жениться на дочери своего хозяина, онъ разсуждаетъ такъ: „Знамши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ



Карт. № 8. Большовъ — артистъ Рыбаковъ; Подхалюзинъ — артистъ М. Садовскій.

случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужъ ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду сбрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову — завтра же подъ

вѣнецъ и баста, и разговаривать не смѣй...“ Расчетъ Подхалюзина оказался совершенно вѣрнымъ: дикое упрямство и своевольство всегда отличаютъ самодура отъ разумнаго человѣка. Островскій, словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Въ чужомъ пиру похмелье“, опредѣляетъ самодура такимъ образомъ: „Самодуръ—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежатъ, а то бѣда“.

Неограниченная власть въ своемъ семейномъ гнѣздѣ даетъ ему наслажденіе; онъ утѣшаетъ себя ею, забываетъ о ничтожности своего общественнаго положенія. И если самодура обидитъ человѣкъ, котораго онъ обидѣть не смѣетъ, то онъ вымѣщаетъ обиду на своихъ домашнихъ. Про богатаго купца Дикого въ „Грозѣ“ расказываютъ, что его разъ на перевозѣ баринъ, гусаръ, обругалъ, такъ домашніе послѣ этого двѣ недѣли прятались отъ него по чердакамъ да по чуланамъ. Посмотрите, съ какимъ наслажденіемъ Большовъ говоритъ Подхалюзину: „Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать?“

А Подхалюзинъ, какъ человѣкъ тонкій, знаетъ, какъ выгодно воспользоваться этимъ мнимо-великодушнымъ порывомъ самодурной души, и старается какъ можно больше принизить себя; даже послѣ окончательнаго согласія со стороны Большова выдать за него дочь, онъ скрываетъ свою радость, прикидывается обробѣвшимъ, говоритъ, что онъ не стоитъ этого, что у него и физіономія никуда не годится, и смиренно цѣлуетъ милующую его руку. Расчетъ его оказывается опять безошибочнымъ. „Ну ее, физіономію!“—восклицаетъ окончательно побѣжденный самодуръ,— „А вотъ какъ я на тебя все имѣніе переведу, такъ послѣ кредиторы-то и пожалѣютъ, что не взяли по двадцати пяти копеекъ“.

Конечно, Большовъ не спрашиваетъ согласія дочери на бракъ съ Подхалюзинымъ; онъ не сомнѣвается въ немъ и разсуждаетъ просто: „За кого велю, за того и пойдетъ

Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю". На возраженіе жены онъ также не обращаетъ никакого вниманія. „Знай, сверчокъ, свой шестокъ!" — отвѣчаетъ онъ ей сурово-небрежно.

Такое же отрицаніе правъ личности и болѣе или менѣе грубое, а иногда и жестокое обращеніе самодуровъ съ младшими членами семьи мы находимъ и въ другихъ дореформенныхъ пьесахъ Островскаго. Вотъ молодой человѣкъ, Андрей Титычъ Брусковъ, сынъ богатаго купца, жалуется своей невѣстѣ, что его уродомъ сдѣлали, что онъ ходитъ, какъ угорѣлый по землѣ, что когда онъ былъ помоложе, учиться захотѣлъ, такъ и въ этомъ, кажется, законномъ правѣ ему было отказано. „И такъ боекъ, — разсуждали старшіе, — а какъ обучишь-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь". Несчастная мать, Пелагея Егоровна Торцова, въ комедія „Бѣдность не порокъ", плачется, разсказывая постороннему человѣку о своемъ тяжеломъ положеніи: ей совсѣмъ неизвѣстно, за кого вздумается ея мужу, Гордѣю Карповичу Торцову, отдать ея любимую дочь, а спросить о томъ, что у него на умѣ, она не смѣетъ, потому что онъ смотритъ звѣремъ, и остается одно утѣшеніе — поплакать. Дочь ея, Люба, узнавъ, что отецъ рѣшилъ выдать ее за стараго, ненавистнаго ей богатаго фабриканта Коршунова, падаетъ въ ноги отцу, слезно проситъ: „Тятенька! не захоти ты моего несчастія на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька"... Но всѣ эти просьбы, мольбы, слезы встрѣчаются суровой бранью, дикими криками и угрозами.

Въ комедіи „Бѣдность не порокъ" намъ открывается новая сторона тогдашней купеческой жизни. Островскій засталъ русскаго купца въ интересный историческій моментъ, когда онъ началъ перенимать у дворянъ европейскую внѣшность. Русское купечество въ первой половинѣ XIX вѣка переживало то, что переживало дворянство въ эпоху Петра, когда оно только-что вступило на путь усвоенія европейской культуры. Это усвоеніе началось также съ заимствованія обстановки жилищъ, кухни, винъ, модъ. И тѣ, кто

усвоивали эту внѣшнюю сторону культуры, носили въ обществѣ названіе образованныхъ людей.

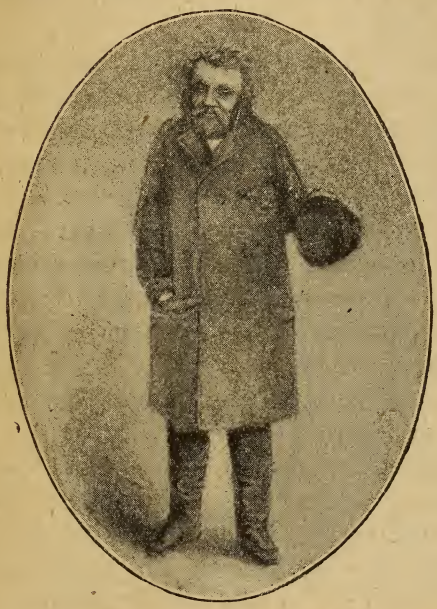
Гордѣй Карповичъ Торцовъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, подъ словомъ образованность понималъ также только внѣшнюю сторону. Познакомившись съ московскимъ фабрикантомъ Коршуновымъ, который живетъ по-господски: пьетъ шампанское, вмѣсто водки, имѣетъ лакеевъ и модную „небель", онъ захотѣлъ ему во всемъ подражать. Объявивъ рѣшительно женѣ, что переѣзжаетъ въ Москву, Торцовъ заводитъ новую обстановку, съ пренебреженіемъ относится къ своимъ сосѣдямъ, живущимъ по-старому, называя мужиками. Онъ твердо увѣренъ, что именно въ этой модной обстановкѣ и состоитъ образованіе. „Ты мнѣ вотъ что скажи, — обращается онъ къ пріѣхавшему въ гости Коршунову: — все у меня въ порядкѣ? Въ другомъ мѣстѣ за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ-то что по необразованію своему? Наливки тамъ, вишневки разныя... а не понимаютъ того, что на это есть шампанское"...

Но этого мало, онъ и на счастье своей дочери смотритъ съ этой же точки зрѣнія и ставитъ его въ зависимость отъ своего каприза. Объявивъ ей, что она невѣста Коршунова, злого и безчестнаго старика, онъ наставительно говоритъ ей: „Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь жить по-барски, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло — ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши, а другое дѣло — я такъ приказываю".

Вы видите передъ собою настоящаго самодура, и жизнь по модѣ не сдѣлала его ни разсудительнѣе, ни мягче.

Отношенія его къ родному брату не менѣе возмутительны, чѣмъ къ женѣ и дочери. Правда, Любимъ Карпычъ

Торцовъ неразумно провелъ свою молодость, промотался, но онъ сохранилъ еще настолько ума, энергіи и человѣческихъ чувствъ, что сознаетъ себя виноватымъ и глубоко раскаивается. Но Гордѣй Карпычъ безсердечно выгоняетъ его изъ дому, когда онъ приходитъ къ нему проситъ о помощи, надѣясь найти въ немъ и нравственную, и матеріальную поддержку, — и выгоняетъ потому, что къ нему въ



Карт. № 7. Любимъ Торцовъ — артистъ П. Садовскій.

домъ ѣздятъ „гости хорошіе, купцы богатые, дворяне", и брата некуда дѣть, за него стыдно. „Ты, — говоритъ брату Гордѣй Карпычъ, — съ меня голову снимешь. По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться. Я видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ? Съ меня и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать".

Самодурство и истинная образованность — понятія, другъ друга исключающія. Живетъ ли самодуръ по старинѣ или, по выраженію Гордѣя Карпыча, „подражаетъ всякую моду“, его отношенія къ людямъ нисколько не измѣняются къ лучшему, и самъ онъ остается невѣжественнымъ, грубымъ и безсердечнымъ человѣкомъ, потому-что не платье, не мода, не обстановка, а одно только образованіе смягчаетъ грубость нрава и даетъ средства жить разумною, направленною къ общему благу жизнью.

Но всего ярче и полнѣе изображено самодурство въ драмѣ „Гроза“, какъ бы въ противовѣсъ указаннымъ мною выше пьесамъ, написаннымъ подъ вліяніемъ молодого увлеченія совѣтами друзей. Здѣсь самодурство является во всемъ своемъ дикомъ безобразіи, съ ужасающими трагическими послѣдствіями. Самая типичная представительница старинныхъ основъ семейной жизни — богатая купеческая вдова Кабанова. Она—человѣкъ твердыхъ правилъ: у нея постоянная ссылка на вѣковые, незыблемые, по ея мнѣнію, законы. Сынъ ея Тихонъ любитъ свою жену и обращается съ нею кротко, Кабанова напоминаетъ о законѣ, по которому жена должна бояться своего мужа, быть его рабою. „Развѣ ты съ нею не въ законѣ живешь?“ — спрашиваетъ она. Жена Тихона, Катерина, осмѣливается на разговоръ свекрови отвѣтить справедливымъ замѣчаніемъ отъ себя. Кабанова грубо обрываетъ ее: „Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашиваютъ“. И здѣсь она основывается на законѣ — о почитаніи старшихъ. Она слѣпо вѣруетъ въ святость и неизмѣнность старыхъ формъ семейной жизни и возмущается, когда молодежь нарушаетъ исконные обычаи. Сынъ уѣзжаетъ въ дальнюю дорогу, она требуетъ, чтобы онъ поклонился ей въ ноги, настаиваетъ, чтобы онъ далъ строгій приказъ женѣ, какъ ей жить въ его отсутствіе; Катерину осуждаетъ за то, что она не воетъ по уѣхавшемъ на нѣсколько дней мужѣ. „Молодость-то что значитъ! — говоритъ она. — „Смѣшно смотрѣть-то на нихъ... Ничего-то не знаютъ, никакого порядка“. Здѣсь уже вы встрѣчаетесь

съ полной нравственной опекой надъ младшими членами семьи. Кабанова желала бы знать самые сокровенные помыслы своихъ дѣтей, забраться въ самую глубину чужой души и тамъ хозяйничать, какъ въ собственной кладовой. Ей, напримѣръ, кажется, что у сына есть что-то въ мысляхъ противъ нея, что въ его чувствахъ къ ней произошла

Карт. № 10. Кабанова — артистка Рыкалова.

перемѣна, — и вотъ она начинаетъ донимать его разными обидными для него и жены его предположеніями, не имѣющими никакого основанія. „Я ужъ отъ тебя, — говоритъ Кабанова Тихону, — прежней любви не вижу“. — „Въ чемъ же вы, маменька, это видите?“ — спрашиваетъ онъ. „Да во всемъ, мой другъ! Мать чего глазами не увидитъ, такъ у нея сердце вѣщунъ, она сердцемъ можетъ чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводитъ отъ меня, ужъ не знаю“.

Но главная жертва ея—Катерина, образъ которой принадлежитъ къ лучшимъ поэтическимъ созданіямъ Островскаго; во многомъ онъ напоминаетъ образъ Тургеневской Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и по мастерству художественной отдѣлки нисколько не уступаетъ послѣднему. Воспитавшись на полной свободѣ подъ вліяніемъ матери, которая души

Карт. № 12. Катерина — артистка Полякова.

въ ней не чаяла, Катерина чувствовала себя особенно тяжело, когда попала подъ суровую опеку свекрови. Слабохарактерный, забитый мужъ ея, Тихонъ, не въ состояніи былъ защитить ее отъ постоянныхъ нападковъ своей матери. Въ одной невѣсткѣ своей, Варварѣ, находитъ она нѣкоторое сочувствіе; съ нею то она дѣлится своимъ горемъ и воспоминаніями о прежней счастливой жизни. Въ этихъ разговорахъ раскрывается ея чистая, высоконравственная, поэти-

ческая душа. Обстановка родного дома, гдѣ соблюдались всѣ религіозные обряды и церковныя правила, постоянныя посѣщенія храма развили въ ней высокую религіозность. „И до смерти я любила въ церковь ходить,— говоритъ она Варварѣ,—точно, бывало, я въ рай войду, не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно, какъ все это въ одну секунду было. Маменька говорила, что всѣ, бывало, смотрятъ на меня, что со мной дѣлается! А знаешь: въ солнечный день изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ. А то, бывало, дѣвушка, ночью встану — у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли, — да гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра“.

Катерина горячо вѣритъ, искренно и беззавѣтно, всей душой отдается созданному идеалу; въ немъ она черпаетъ и нравственныя силы, вынося терпѣливо тяжелый гнетъ въ семьѣ Кабановыхъ. Но свекровь точитъ ее, какъ ржа желѣзо. „Ахъ кабы не свекровь! — восклицаетъ она въ тяжелый часъ,—сокрушила она меня... отъ нея мнѣ и домъ-то опостылѣлъ; стѣны-то даже противны“. И Катерина гибнетъ, не встрѣчая ни въ комъ нравственной поддержки. „Маменька, вы ее погубили!“ — справедливо говоритъ Тихонъ, въ отчаяніи падая на трупъ несчастной жены.

Въ „Грозѣ“ есть еще образцовый типъ самодура. Богатый купецъ, Дикой, представляетъ противоположность своей сосѣдкѣ Кабановой, основывающей каждый свой шагъ на законѣ: для него не существуетъ никакихъ законовъ, что взбредетъ ему въ голову, то онъ и дѣлаетъ. Особенно интересны его отношенія къ постороннимъ людямъ. Есть въ этомъ городѣ механикъ - самоучка, Кулигинъ, человѣкъ разумный, начитанный, радѣющій объ общественной пользѣ. Онъ предлагаетъ Дикому устроить солнечные часы на бульварѣ для общей пользы. И стоить это будетъ не дорого, „какихъ-нибудь рублей десять“, говоритъ Кулигинъ. Но Дикой сердится, что къ нему обращаются со всякимъ

вздоромъ, подозрѣваетъ, что Кулигинъ хочетъ украсть эти деньги, и называетъ его разбойникомъ. „Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все!“... Жадность къ деньгамъ у него такъ велика, что онъ или совсѣмъ не платитъ рабочимъ или, по крайней мѣрѣ, обсчитываетъ ихъ.

Карт. № 13. Дикой — артистъ Рыбаковъ.

„У насъ о жалованьѣ никто и пикнуть не смѣй,—говоритъ живущій у него Кудряшъ:—изругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Ты, говоритъ, почемъ знаешь, что я на умѣ держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А можетъ, я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ“. По разсказу Кулигина, Дикой на просьбу городничаго — разсчитывать хорошенько мужиковъ —„потрепалъ городничаго по плечу, да и говоритъ: стоитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ

вами объ такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то народу перебываетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ по какой-нибудь копейкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо". Онъ самъ признается Кабановой, что никому добромъ денегъ отдать не можетъ, хотя и понимаетъ, что долженъ. „Потому, — говоритъ, — только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутренную разжигать станетъ; всю нутренную вотъ разжигаетъ, да и только; ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка".

Переходимъ теперь къ изображеніямъ жизни другой среды. Дореформенный чиновничій міръ съ его особенностями типично и правдиво нарисованъ Островскимъ въ комедіи „Доходное мѣсто". По формамъ жизни чиновникъ стоитъ, конечно, ближе къ барину, чѣмъ мѣщанинъ или купецъ. Чиновникъ, напримѣръ, не будетъ такъ грубо выражаться, какъ Дикіе, Большовы, Торцовы, но сущность его отношеній къ семьѣ и къ обществу та же: у него отсутствуютъ необходимыя нравственныя понятія. Эгоизмъ личный и семейный, какъ сейчасъ увидимъ, и здѣсь господствуетъ съ такою же силою, какъ и въ разсмотрѣнной только-что средѣ.

Вышневскій, крупный чиновникъ, въ комедіи „Доходное мѣсто", живущій на широкую руку, занимающій большую должность, упрекаетъ свою жену въ недостаткѣ расположенія къ нему. Ему не приходитъ въ голову спросить себя, правъ ли онъ передъ ней. „Не для васъ ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ?—говоритъ онъ,—не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, что ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ?" А между тѣмъ изъ дальнѣйшаго содержанія комедіи мы узнаемъ, что онъ женился уже пожилымъ человѣкомъ на молодой неопытной дѣвушкѣ, которая и не могла его любить и которую родные отдали за него, потому-что онъ человѣкъ съ большимъ чиномъ и хорошими средствами.

Таковъ Вышневскій въ семейныхъ отношеніяхъ; далѣе Островскій представляетъ его и какъ общественнаго дѣятеля. Жадовъ, его племянникъ, честный и образованный молодой человѣкъ, открыто высказываетъ передъ нимъ свои благородныя убѣжденія; возставая противъ взяточничества, противъ всякой неправды, которая царитъ въ этомъ мірѣ, онъ рѣшаетъ пробить себѣ дорогу честнымъ трудомъ, т.-е. жить однимъ жалованьемъ, не брать взятокъ. „Укроти свой характеръ, — говоритъ ему дядюшка, — брось завиральныя идеи; служи, какъ служатъ всѣ порядочные люди, т.-е. гляди на жизнь и службу практически“. Когда Жадовъ указываетъ ему на общественное мнѣніе, въ которомъ честный человѣкъ можетъ найти нравственную поддержку, Вышневскій съ сердцемъ возражаетъ ему: „У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешъ. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ — не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку“.

Все, какъ видите, и здѣсь сводится къ формамъ жизни, къ внѣшней сторонѣ поведенія; одна только эта сторона и имѣетъ значеніе въ глазахъ Вышневскаго. По своимъ воззрѣніямъ на жизнь и общественныя отношенія Вышневскій ничѣмъ не отличается отъ Дикого: онъ уважаетъ только грубую силу, какъ и Дикой, въ формѣ денегъ, чина, положенія, а честныя убѣжденія называетъ „завиральными идеями“. Онъ наставительнымъ тономъ разсказываетъ племяннику, какъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, гдѣ онъ служилъ, смѣялись надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только жалованьемъ съ большой семьей, и говорили, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки; а первѣйшаго взяточника уважали, потому что онъ жилъ открыто, и у него два раза въ недѣлю бывали вечера.

Понятіе объ образованіи и въ семьи чиновниковъ переходило изъ дворянскихъ семей, гдѣ господствовали свѣтскіе идеалы: и здѣсь подъ образованіемъ понимали наружную,

свѣтскую выправку, роскошную жизнь безъ всякой работы, модное платье и веселое препровожденіе времени. „Да, я могу про себя сказать, что я счастлива,—говоритъ Юлинька, жена Бѣлогубова, взяточника, служащаго подъ начальствомъ Вышневскаго: — А ты, Полина (жена Жадова), какъ ты живешь? Это ужасно! Нынче совсѣмъ не такой тонъ. Нынче у всѣхъ принято жить въ роскоши". „Ты не можешь себѣ представить,—говоритъ она далѣе,—какъ деньги и хорошая жизнь облагораживаютъ человѣка"... „Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, кромѣ туалета".

За этими приличными съ виду формами жизни скрывалось у этихъ людей невѣжество, нравственная грубость, пошлость, казнокрадство и взяточничество.

Старый чиновникъ Юсовъ, лестью, низкопоклонствомъ добившійся доходнаго мѣста, служитъ также подъ начальствомъ Вышневскаго, который представляется ему „геніемъ, Наполеономъ", человѣкомъ „ума необъятнаго". Юсовъ, при помощи этого „генія", уже достигъ намѣченной цѣли: у него четверка лошадей, три домика, пріобрѣтенные, на всякій случай не на на свое имя, а на имя жены, и, вѣроятно, порядочный капиталецъ. Подъ его рукой и покровительствомъ находится молодой, недалекій, малограмотный чиновникъ, упомянутый мною ранѣе мужъ Юлиньки, Бѣлогубовъ. Онъ только-что началъ свою служебную карьеру, но успѣшно идетъ по слѣдамъ своего покровителя. Вотъ передъ нами веселая сцена въ трактирѣ. Бѣлогубовъ угощаетъ Юсова и другихъ мелкихъ чиновниковъ-сослуживцевъ: онъ получилъ крупную взятку. Жадовъ не участвуетъ въ этой компаніи; онъ пришелъ ранѣе и сидитъ въ ожиданіи знакомаго, въ сторонѣ, за книгою. Они уже угостились порядочно, и Бѣлогубовъ, придя въ умиленіе, проситъ своего учителя и благодѣтеля, Юсова, пройтись подъ машину „По улицѣ мостовой". Юсовъ, исполнивши просьбу, говоритъ рѣчь, чтобы поддержать свой авторитетъ передъ присутствующими молодыми чиновниками и въ назиданіе имъ:

„Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ—мнѣ теперь можно плясать“...

Нельзя не припомнить здѣсь приведеннаго мною выше житейскаго правила: „что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности ты душой покоенъ“... Оно было въ то время общимъ правиломъ, для всѣхъ общественныхъ слоевъ одинаково обязательнымъ, и практическое приложеніе его не вызывало душевнаго без-

Карт. № 14. Сцена въ трактирѣ: Жадовъ—артистъ Шумскій, Юсовъ—П. Садовскій, Бѣлогубовъ—Разсказовъ, молодые чиновники и половые.

покойства, потому что отсутствовало сознаніе общественныхъ связей, отсутствовало понятіе о томъ цѣломъ, частицу котораго составляетъ каждый изъ насъ. Обезпечивъ себя и свою семью, каждый былъ твердо убѣжденъ, что сдѣлалъ все, что предписано человѣку.

Для полноты картины жизни дореформеннаго чиновничества я покажу вамъ еще одну типичную фигуру.

Передъ нами молодой, малоспособный, малограмотный чиновникъ — Миша Бальзаминовъ. Съ помощью службы онъ никогда не достигнетъ того, чего достигаютъ Юсовы и Бѣлогубовы, а между тѣмъ и онъ мечтаетъ о колясках, сѣ-

рыхъ лошадяхъ и модномъ костюмѣ; и вотъ ему приходитъ въ голову очень простая мысль—жениться на богатой. „Что служить-то! — разсуждаетъ онъ: — много ли я выслужу? — А тутъ вдругъ зацѣпишь милліонъ“. Съ этой цѣлью Бальзаминовъ начинаетъ ходить по Зацѣпѣ, высматривать богатыхъ купеческихъ невѣстъ. Мысль разбогатѣть такимъ простымъ

Карт. № 15. Бальзаминовъ — петербургскій артистъ Давыдовъ.

и легкимъ способомъ овладѣваетъ имъ всецѣло. „Развѣ можно,—говоритъ онъ: съ благородными понятіями въ бѣдности жить?“ По словамъ его матери, онъ „такъ бѣдный, старается — изъ кожи лѣзетъ“. Островскій забавно представляетъ въ своей трилогіи о немъ, какъ онъ послѣ двухъ неудачъ, при всей своей бѣлокурости и „плохомъ умишкѣ“, однако находитъ то, чего ищетъ: требованія, которыя предъявляли искателямъ своихъ сердецъ и капиталовъ купеческія невѣсты, были очень невысоки.

Можетъ-быть, Бальзамановъ, вамъ покажется слишкомъ смѣшнымъ и ничтожнымъ, но его соображенія раздѣлялись и раздѣляются очень многими болѣе Бальзаминова воспитанными и умными женихами богатыхъ купеческихъ вдовъ и дочерей, — женихами съ благородными чувствами и изысканными вкусами, но безъ капиталовъ.

Открывая комедію „Воспитанница", мы поднимаемся ступенью выше по лѣстницѣ сословій: передъ нами старое дворянство въ дореформенное время. Но не думайте, что здѣсь мы встрѣтимся съ чѣмъ-нибудь свѣтлымъ, отраднымъ. Причины, понижавшія уровень умственнаго и нравственнаго развитія, были общія во всѣхъ общественныхъ слояхъ въ то время. Не даромъ изображенія этой поры у Островскаго, хотя они и взяты изъ различныхъ сословій, отличаются такою яркостью, жизненностью и цѣльностью и заслужили мѣткое и справедливое названіе „Темнаго царства".

Богатая помѣщица Уланбекова такой же самодуръ, какъ Дикой и Кабанова, но кругъ ея вліянія значительно больше: у нея живутъ воспитанницы, бѣдныя дѣвушки, приживалки, огромный штатъ прислуги, двѣ тысячи душъ крестьянъ. Она устраиваетъ по своему усмотрѣнію свадьбы, опредѣляетъ на мѣста; защищаетъ, кого захочетъ, отъ суда; исправникъ и губернаторъ отказать ей не могутъ: она — сила въ своемъ уѣздѣ.

Дворецкій Потапычъ разсказываетъ, какъ она пристраиваетъ замужъ своихъ воспитанницъ: „Скажутъ: я тебѣ нашла жениха... тогда-то свадьба, ну и конецъ, разговаривать ни одна не смѣй. А бываетъ и такъ, что женихъ невѣстѣ не нравится, и невѣста жениху, такъ тутъ ужъ очень гнѣваются... такъ даже изъ себя выходятъ"... А приказнымъ, которые женились на ея воспитанницахъ, жилось очень хорошо: „Потому если выгнать хотятъ изъ суда, — продолжаетъ дворецкій, — или вовсе выгнали, онъ сейчасъ къ барынѣ къ нашей съ жалобой, и онѣ ужъ за него горой, даже самого губернатора безпокоятъ. И ужъ тотъ

приказный въ тѣ поры можетъ и пьянствовать, и все, и ужъ никого не боится“...

Но я кончаю: мнѣ думается, что этихъ чертъ и образовъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, какъ далека изображенная въ нихъ жизнь отъ идеала разумной человѣческой жизни и насколько она оправдываетъ упрочившееся за ней вышеуказанное названіе.

Для болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ Островскимъ не хватило бы и десяти такихъ чтеній, какъ мое сегодняшнее. Островскій, повторяю, былъ примѣрный работникъ! Сорокалѣтняя дѣятельность его дала русскому театру почти 50 оригинальныхъ сочиненій, кромѣ нѣсколькихъ переводныхъ. Въ нихъ онъ захватилъ и часть дореформенной русской жизни, которая протекала на его глазахъ, и цѣлую четверть вѣка послѣ реформы; въ пьесахъ послѣ реформенныхъ онъ отмѣтилъ тѣ видоизмѣненія нравовъ въ различныхъ общественныхъ слояхъ, которыя происходили подъ вліяніемъ новыхъ условій, созданныхъ въ эпоху преобразованій. Но этого мало. Онъ не ограничился изображеніемъ только современной ему русской жизни и принялся за изученіе ея историческаго прошлаго, и результатомъ этой работы явились его историческія пьесы. Живой художественный матеріалъ, данный ему главнымъ образомъ старой Москвой, сослужилъ для него двойную службу. Жизнь тогдашней Москвы была типичною русскою или, точнѣе сказать, великорусскою жизнью: московскіе нравы и бытъ имѣли много общаго съ провинціальными и многое въ нихъ принадлежало далекой русской старинѣ, и потому Островскій могъ легко употреблять въ дѣло многія старомосковскія черты, какъ при изображеніи современныхъ провинціальныхъ нравовъ какого-нибудь города Калинова, такъ и при изображеніи картинъ изъ отдаленнаго русскаго прошлаго.

И какой образцовой простоты достигъ онъ въ изображеніи жизни. Одинъ изъ критиковъ справедливо замѣтилъ, что когда смотришь хорошую пьесу Островскаго на сценѣ

то кажется, что писатель только и сдѣлалъ, что сломалъ одну изъ стѣнъ обывательской квартиры и далъ намъ возможность свободно наблюдать происходящее въ ней.

Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ я указалъ вамъ только небольшую часть его твореній, но зато главную, въ которой уловлены и изображены коренныя черты русской жизни; я показалъ вамъ нѣсколько типовъ, но образцовыхъ; разсказывая о жизни Островскаго въ старой Москвѣ, я старался представить вамъ ясно, откуда взялись эти типы, изъ какого матеріала Островскій ихъ создалъ, и имѣлъ въ виду показать органическое развитіе его огромнаго таланта изъ пережитыхъ имъ въ молодости чисто русскихъ самобытныхъ вліяній при своеобразной обстановкѣ старой Москвы.

Въ заключеніе я нахожу нужнымъ сдѣлать оговорку, чтобы между нами не вышло недоразумѣнія. Указавъ на высокія достоинства дореформенныхъ пьесъ Островскаго, я вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что послѣреформенныя не заслуживаютъ вниманія. Нѣтъ, и среди нихъ немало пьесъ съ художественными достоинствами и идейнымъ содержаніемъ. И главной задачей моего чтенія было заинтересовать Островскимъ настолько, чтобъ вызвать въ васъ охоту познакомиться съ нимъ покороче.

Конецъ.

1-50
4921/383

Ик 11030/83

ПЕЧАТАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ЧТЕНІЯ ТОЙ ЖЕ КОМИССІИ

изд. Т-ва И. Д. Сытина.

1. **Проф. П. Г. Виноградовъ: НАКАНУНѢ НОВАГО СТОЛѢТІЯ.**
2. **Прив.-доц. Н. И. Романовъ: ДОНАТЕЛЛО.** (Изъ исторіи итальянскаго искусства XV вѣка).
3. **Прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ: ПЕРВЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ РОССІИ.**
4. **Л. П. Бѣльскій: И. С. НИКИТИНЪ.**
5. **Проф. Линдеманъ: О ЗАВИСИМОСТИ ЖИВОТНАГО МІРА ОТЪ ЧЕЛОВѢКА.**
6. **Его же: О КРАСОТѢ ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВОТНЫХЪ.**
7. **Прив.-доц. А. Н. Реформатскій: ХИМІЯ И ЖИЗНЬ ПРИРОДЫ.**
8. **В. Д. Соколовъ: ПУСТЫНЯ** (физико-географическій очеркъ).
9. **Прив.-доц. Г. А. Кожевниковъ: ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.**
10. **С. П. Моравскій: ЛЮДОВИКЪ IX СВЯТОЙ.**
11. **Проф. И. А. Каблуковъ: КАКЪ УЗНАЛИ СОСТАВЪ СОЛНЦА.**

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ: 1) у Ильинскихъ вор., д. Титова, 2) Никольская, домъ Заиконоспасскаго монастыря, 3) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова; **въ С.-Петербургѣ,** Большая Садовая, № 25; **въ Кіевѣ,** Подолъ, Гостиный дворъ; **въ Варшавѣ,** Краковское предмѣстье, д. № 1; **въ Екатеринбургѣ,** Покровскій проспектъ, д. Поповичевой; **въ Одессѣ,** на углу Преображенской и Еврейской улицъ, д. Лѣтника, № 53; **въ Воронежѣ,** Московская улица; **въ Нижегородской ярмаркѣ,** на Шоссе.